

Условия Контракта были предельно просты. Пан Трэлони Джесас мог быть лишь сторонним наблюдателем, созерцающим бег времени. Обладая силой менять ход истории, он не имел права становиться её участником. В его власти было удерживать уходящие души силой собственной жизни, порождая призраков Хогвартса, или возвращать бесплотному духу осязаемую плоть. Но ни одно из этих деяний не должно было оставить и следа в памяти веков.

Потому всякий раз, когда его земная оболочка гибла, заставляя дух вновь становиться бесплотным, Контракт требовал суровую дань. Опустошив духовные силы, Пан погружался в беспробудный вековой сон, а мир стирал любые упоминания о нём. Исчезали осязаемые следы, таяли воспоминания в разумах живущих. Его бытие стало вечностью, но платой за бессмертие сделалось глухое, абсолютное одиночество. Что бы он ни совершил, история закрывала перед ним свои страницы. Так должно было продолжаться до тех пор, пока Контракт не окажется расторгнут.

Впрочем, лазейка существовала. Узы Контракта могли пасть, если бы предназначенный судьбой человек произнёс особое тайное слово. Был и другой путь, подчинявшийся закону равноценного обмена: стоило лишь преподнести взамен нечто равное по силе самому Контракту, и оковы рухнули бы, позволив истории наконец запечатлеть его имя. Но как совершить этот обмен?

За долгие безмолвные тысячелетия он не раз пытался разорвать эти невидимые цепи. Однако вечность слишком длинна — настолько, что он позабыл и имя того избранного, и сами слова заветного заклинания. Пришлось искать иные обходные пути, и род Трэлони стал плодом сделки, которую Пан заключил с самими законами магии, заплатив собственной кровью.

Плата принесла свои плоды:

В каждом поколении лишь одна женщина наследовала фамилию Трэлони.

Ценой своей жизненной силы она обретала дар провидения — способность заглядывать за завесу грядущего.

Связанная узами крови, она получала благословение вечной жизни и, что важнее всего, сохраняла воспоминания, неподвластные стирающей силе Контракта.

Каждый раз, когда в роду Трэлони рождалась очередная наследница, Пан заново переживал мучительное разделение плоти и духа. Для призрака это было единственное страдание, способное причинить ему физическую боль. Но такова была цена обмена: рождённая девочка благодаря незримой духовной связи узнавала и помнила его. Пусть из-за проклятого Контракта черты его лица со временем стирались из её памяти, но душа помнила всё — до тех пор, пока она сама не отрекалась от фамилии Трэлони. Увы, даже столь высокая цена позволила выторговать лишь эту крошечную уступку у мироздания. Но что, если не кровь, могло обладать ещё большей ценностью?

За минувшие века он редко пользовался возможностью обрести плоть и занять реальное место

среди живых. Поскольку мир всё равно не хранил о нём памяти, Контракт казался ему чем-то несущественным. Но всё изменилось в тот день, когда, привычно блуждая по коридорам Хогвартса, Пан заметил темноволосого мальчика с алым, лихорадочным блеском в глазах. Тогда он содрогнулся от внезапного озарения: колесо истории пришло в движение.

Спешно вернув себе материальную форму и воспользовавшись договором с замковыми призраками, он выправил себе защищённое магией имя и наконец ступил на землю как человек. Судьба свела его со Снейпом, Лили и совсем ещё юной Сивиллой задолго до того, как те переступили порог школы. Он стал им верным другом, разделяя их тайны и упрямо пытаясь переписать предначертанное грядущее... Но одна роковая оплошность перечеркнула всё. Его смертное тело погибло. Говоря проще — для всего мира он перестал существовать.

В тот же миг Контракт Наблюдателя безжалостно вступил в силу. Потрясённая безвременной кончиной душа Пана погрузилась в беспробудный сон, а мир стёр из памяти живых любое упоминание о нём. Очнувшись после долгого забытья, он обнаружил, что остался один. Живые забыли его — все до единого. Лишь безмолвные портреты, бесплотные призраки да обитатели Запретного леса хранили крупинцы знания, но и они оказались скованы нерушимым заклятием молчания. Имя Пана Трэлони превратилось в запретное, непроизносимое слово даже для него самого. Именно тогда он впервые воочию узрел безжалостную мощь своего Контракта.

Пан не раз ловил себя на мрачных мыслях. Вдруг Сивилла тоже оказалась беззащитна перед Контрактом? Вдруг её кровь больше не отзывалась на зов его израненной души? Он даже допускал, что она могла сама отречься от проклятого имени Трэлони — ведь забвение принесло бы ей долгожданное избавление от страданий прошлого. И всё же в глубине его сердца теплилась слабая надежда. Чтобы проверить догадку, он решился на отчаянный шаг и подослал к ней Драко.

Назвав Малфою своё истинное имя — Пан Трэлони Джесас, — он намеренно обронил, что все ответы на его вопросы знает профессор Сивилла Трэлони. Драко, разумеется, не упустил случая расспросить её. Сивилла мгновенно разгадала эту нехитрую уловку. Все последующие уроки она демонстративно игнорировала его присутствие, разыгрывая полное равнодушие, но Пан слишком хорошо её знал: Сивилла помнила всё.

И теперь, когда он наконец предстал перед ней лично, её тихий, полный затаённой горечи вопрос больно ударил по его самолюбию:

— Если бы даже я позабыла тебя, неужели ты бы просто прошёл мимо и никогда больше не заговорил со мной?

Да, если бы только это было возможно, он предпочёл бы остаться тенью. Слишком силен был страх вновь обречь кого-то вроде Сивиллы на вечную муку памяти. Слишком страшно было снова оказаться стёртым, очнуться после очередного многолетнего сна и увидеть, как дорогие тебе люди смотрят на тебя пустыми, холодными глазами незнакомцев. Такого кошмара не пожелаешь и врагу, а переживать его дважды Пан не желал ни за какие сокровища мира.

Если говорить начистоту, не будь он так скован в своих действиях, не нуждайся он столь отчаянно в преданном союзнике, способном понять его без лишних слов, он никогда бы не раскрыл себя Сивилле. Потому что сама история не терпела его имени в своих летописях.

— Я заключил с призраками древнее соглашение, — заговорил Пан, нарушив затянувшееся молчание. — Ценой дарованного им вечного «бытия» стала их клятва оберегать Хогвартс и обеспечивать меня любым прикрытием всякий раз, когда я решаю вернуть себе плоть.

— Мне казалось, призраки и без того обязаны защищать замок, — Сивилла недоверчиво покачала головой.

— Обязаны, но не так. Моя жизненная сила — вот то связующее звено, что поддерживает их призрачный век. Оборвись моя нить, и они тотчас развеются прахом. Можешь называть это шантажом или грабежом, Сивилла, но таков закон равноценного обмена.

— Что ж, в таком случае выкладывай, господин Трэлони. Или мне величать тебя господином Джесасом? — Сивилла выпрямилась, глядя на него сверху вниз. Впервые в жизни она могла позволить себе подобный жест: прежде Пан всегда казался куда выше её.

Вглядываясь в его лицо, Сивилла ловила собственное отражение в его зрачках. Боль и смятение уже растаяли без следа; перед ней снова стоял прежний Пан — привычно отстранённый, прохладный, но не ледяной. Его глубокий изумрудный взгляд, точь-в-точь как спокойная гладь озера в глубине Запретного леса, оставался безучастным и чистым. В этой первозданной чистоте не было места земным страстям, словно никакие людские печали и радости не могли коснуться его безмятежной души.

— Мне нужна Старшая палочка, — ответил Пан без обиняков. С близкими он никогда не кривил душой — истинный слизеринец не станет утаивать свои цели от тех, кого считает друзьями.

— Палочка Дамблдора? — Сивилла тревожно нахмурилась. — Но это же один из Даров Смерти. Она способна стереть тебя из этого мира окончательно. Могу я спросить, для чего она тебе? Или... ты боишься скрытых в ней воспоминаний?

Пан медленно кивнул, но тут же покачал головой.

— Да, она способна меня уничтожить. К тому же мне нельзя приближаться к ней в присутствии Дамблдора — это лишь усугубит наше положение. — Пан досадливо пожал плечами. — Я до конца не уверен, поддаются ли древние артефакты стирающей силе Контракта. Магические предметы слишком часто существуют вне его законов.

— Какая память может быть у куска дерева? — Сивилла недоверчиво хмыкнула. — В худшем случае на ней остался след от наложенной Авады Кедавы. Дамблдор за свою жизнь повидал немало битв, он не станет вглядываться в эхо старых заклятий и уж точно ничего не

заподозрит. Сила Контракта непреклонна, ты сам это знаешь. Старик никогда не вспомнит, что именно этой палочкой когда-то оборвал твою земную жизнь.

Она прищурилась, заметив мимолётное колебание в его осанке.

— Ты ведь скрываешь от меня самое главное, не так ли? Если хочешь, чтобы я помогла тебе, говори начистоту.

Пан посмотрел на Сивиллу и глухо вздохнул:

— Старшая палочка сдерживает мою силу. Ты ведь наверняка и сама почуяла, насколько жалок сейчас мой магический резерв. Он едва ли превосходит силы обычного одиннадцатилетнего первокурсника. — Пан развёл руками, и в этом жесте сквозило искреннее бессилие.

Нехватка магии связывала его по рукам и ногам. Именно из-за этого истощения он был вынужден принять облик ребёнка. С одной стороны, это обеспечивало безупречное прикрытие, с другой — лишало возможности действовать свободно. Например, закрывало ему путь в глубины Запретного леса.

— Мне нужно соприкоснуться с ней. Только если стереть из памяти Старшей палочки отпечаток того смертельного проклятия, печать падёт, и моя истинная магия вернётся ко мне.

— Хорошо, поверим на слово, — тихо сдалась Сивилла.

Сама она давно запечатала собственные резервы, довольствуясь крохами прежней мощи, но кровь великих провидцев даровала ей уникальное чутьё. Она ощущала тончайшие колебания эфира куда острее, чем хваленый директор Хогвартса.

— Хотя, видит Мерлин, лучше бы твоя магия так и осталась под замком. Меньше соблазна творить безумства, которые ты упрямо величаешь великим планом. — Она выпрямилась и невесело усмехнулась. — Но разве тебя остановишь? Даже немощным калекой ты всё равно полезешь менять ход времён, хоть доселе ни одна попытка не увенчалась успехом. И чтобы тебя вновь не упокоили шальной Авадой Кедаврой, мне придётся протянуть тебе руку. Ты ведь знал, что я соглашусь? На это и рассчитывал?

Пан ответил ей лишь долгим, исполненным признательности взглядом. Он знал, что может на неё положиться. И расспрашивать, каким образом скромный профессор прорицаний собирается подобраться к личной палочке величайшего мага современности, не стал. Настоящая дружба не требовала лишних отчётов. Да и спешить им пока было некуда.